

ИНТЕРВЬЮ С ИТАЛЬЯНЦАМИ, ВОЕВАВШИМИ НА СТОРОНЕ ФАШИСТОВ

ВИЛЬЯМ КРЕМОНИНИ (WILLIAM CREMONINI)

Кремонини сражался в Северной Африке, позднее воевал в составе Черных Бригад.

Я родился в Поджо-Ренатико/Poggio Renatico, провинция Феррара/Ferrara, 19 сентября 1922 года. Был единственным ребенком в семье. Отец умер, когда мне было 5 лет. Мы жили с дедушкой и бабушкой, вырастила меня мать. Она работала в сельскохозяйственном кооперативе/consorzio agrario.

Почему у вас имя Вильям?

Не знаю, полагаю, в честь какого-то англичанина или американца. Во время ПМВ близ нашего городка стояли американские солдаты, может, в память о ком-то из них.

Я учился в школе до 14 лет, потом меня взяли в ученики в типографию, где я пробыл до ухода в армию.

Чем вы интересовались в детстве?

Спортом, тем, что делали в [Opera Nazionale] *Balilla* (фашистская молодежная организация, существовавшая в 1926-1937 годах – ВК). Молодые фашисты были тесно связаны со спортивным движением: мы устраивали гимнастические представления, участвовали в соревнованиях...

Почему вы вступили в *Balilla*? Так все делали?

Да, 99 процентов. Вы начинали с уровня *Волчата/Figli della Lupa* в 5 лет, потом становились членами *Balilla*, потом шел уровень *Balilla Moschettiere/Мушкетеры*, потом *Avanguardisti*, потом *Giovani Fascisti/Молодые Фашисты*, потом *Fascisti*. Потом вы шли в армию.

Волчата
<https://www.pinterest.it/pin/541980136378409305/>

На каком уровне организация становилась политической?

Мы не знали об организациях другого типа. Только позднее мы поняли, что движение было политическим. В то время все работало превосходно, все соблюдали дисциплину, и, можно сказать, что нам было лучше, чем прежде, хоть мы и были бедными.

То есть, у вас было счастливое детство?

Да. Мы все хорошо уживались друг с другом. Это было более дружелюбное общество. Теперь мои дети живут изолированной жизнью. Вероятно, у нас было меньше денег, но мы все заботились друг о друге.

И, если вы были человеком, не открывающим широко рот, вам было нечего бояться?

Да, верно, у вас не было проблем.

Вас, юных фашистов, посещали иногда высокопоставленные фашисты?

Да, например, нас посетил [Итало Бальбо](#) (*Italo Balbo, 1896-1940 – видный деятель фашистской Италии, министр авиации*): он был из Феррары. Он погиб над Тобруком. Я помню его, потому что был в первом классе школы, и он приехал на ее открытие.

Все ваши друзья были членами *Balilla*?

Да, все.

Вы помните день, когда Италия объявила о вступлении в войну?

Да. Все вышли на площадь на митинг в связи с этим.

Вы момент, когда узнали об этом? Вы были дома?

Мы с друзьями были вместе: все мы были в отличном настроении, потому что приказ о сборе на площади был для нас поводом для того, чтобы ненадолго отлучиться с работы.

Как только началась война, *Молодых Фашистов* начали записывать в армию. В тот момент я был в Болонье: мы туда переехали, когда мне было 12 или 13. Все происходило на *Piazza Maggiore*. По все Италии людей собирали на центральных площадях, чтобы они могли услышать об объявлении войны через громкоговорители.

Вы помните, как приветствовались эти новости?

Мы были полны энтузиазма. Может быть, некоторые люди постарше отнеслись к этому по-другому, но мы все были возбуждены. В течение нескольких часов мы записались в армию. Через несколько дней таких было 24 000 человек, я вступил в батальон *Bologna*.

Значит, то, что вам было только 17 лет, не было проблемой?

Нет, вы могли записаться в армию в 17 или 18. В 16 не полагалось, но некоторые 16-тилетние пацаны попадались. Было двое 1926 года рождения.

Как ваша мать восприняла известие о том, что вы записались в армию?

Не знаю. Она должна была подписать разрешение, потому что мы были малолетками.

Потом что было?

Записались, отправились в казармы. Потом разные батальоны были направлены в Лигурию/Liguria и Абруццо/Abruzzo. В первую – северные батальоны, во вторую – южные. Начали обучение. Затем, с пропагандистскими целями, мы прошли маршем по Италии. Он назывался *Marcia della Giovinezza*/Марш Молодежи. Три недели, 25 км в день. Мы собирались вместе в Падуе, и Муссолини приехал, чтобы встретиться с нами.

Тогда вы увидели его впервые?

Нет, это было раньше в лагере *Campi Dux*, куда он наносил визиты время от времени.

Он произвел на вас впечатление?

Да, он был великим человеком/*una grande persona*. У него была харизма.

Вы были молодым парнем, политически наивным, но для вас Муссолини был хорошим человеком?

Да. Чтобы привести пример: последний раз я видел его в Милане в ноябре или декабре 44-го, почти в конце [войны]. И там были люди, очарованные им: он все еще сохранял в себе эту власть [над людьми].

Итак, что было после марша?

Там было 25 батальонов. Теперь они должны были влиться в разные дивизии. Например, мой батальон был отправлен в Падуу, в район Эмилия-Романья/Emilia Romagna. Потом. Через несколько дней, батальоны расформировали, сам не знаю почему.

Через несколько дней?

Через 5 или 6 месяцев. Мы закончили обучение, и нас отправили по домам. Мы стали жаловаться: «Что это значит? Мы завершили обучение, а нас отправляют домой?» Мы сидели в казарме, в выставочном центре в Падуе, и были настолько разочарованы, что устроили театрализованные похороны фашистской партии. Взяли ящики, покрыли их черной матерью и подожгли. Стали петь похоронный марш. Появился наш командир, Балисти (Balisti), и мы освистали его. Он сказал: «Итак, вы хотите на войну: я возьму вас.» там был не только наш батальон, были и другие. Однако большинство было тех, кто пришел с ним из батальона *Bologna*, он же 15-й, в который входили роты из *Bologna, Ferrara* и *Rovigo*.

[Эти батальоны участвовали в Марше Молодежи, каждый из них был составлен из жителей столицы провинции и двух других крупнейших городов].

Как получилось, что вас обучили, а потом хотели послать домой?

Бадольо (*Pietro Badoglio, 1871-1956?* начальник генерального штаба итальянских ВС в 1925-1940 годах - ВК) не любил добровольцев. Так что он договорился с фашистской партией об отправке нас по домам. От 24 батальонов, вобравших в себя 25 000 добровольцев, осталось 1 500 человек.

Другой участник беседы: Вообще, это после того, как мы подожгли ящики и спалили [выставочный] павильон, начальству пришлось вызывать карабинеров и Балисти. Из-за наших протестов нас и ужали до двух отдельных молодежных батальонов *Gioventù Italiana del Littorio*. Денег у нас было очень мало, потому что мы получали содержание из центрального, римского штаба *Gioventù Italiana del Littorio – GIL* (объединенное молодежное движение в составе фашистской партии). Поэтому, когда мы застряли в Формии/Formia, одна половина из нас начала воровать апельсины, а другая цыплят. Сады, к несчастью, оказались собственностью крупного фашистского деятеля, а цыплята были какой-то особенной японской породы и принадлежали королеве.

И куда же вас отвез Балисти?

Другой участник беседы: Балисти командовал 1-м батальоном. Нас отправили несколькими группами в Формию. 2-й батальон уехал в Гаэту/Gaeta, 3-й – в Скаури/Scauri.

Обучение продолжилось?

Да, оно шло постоянно.

Чему именно?

Всему понемногу: владение пулеметом, минометом. Потом, когда добрались до Африки, начали обучаться противотанковому бою. До этого, в Италии, только легкое оружие: малые минометы (45 мм), пулеметы, еще один тип пулемета (*fucile mitragliatore e mitagliatrice* – возможно, речь идет о двух разных типах, соответственно *Breda 30* и *Breda M37* - ВК), боевая подготовка, метание гранат, штыковая атака.

Сколько времени вы провели в Формии?

С декабря 40-го по апрель 41-го.

Другой участник беседы: Тем временем Балисти и полковник (colonello) Талуччи, который командовал 3-м Батальоном, уехали в Рим, чтобы передать наше обращение (к командованию), и 12 апреля 41-го года прибыл ответ, в котором сообщалось, что будет сформирован 31-й Легион Чернорубашечников под названием *Primavera*. Потом военное министерство сообразило, что мы все – малолетки и не можем стать частью армии.

Что вы чувствовали, когда сходили на берег в Африке: вы ведь в первый раз оказались в другой стране?

Погодите. Дайте мне сначала сказать вот что: в этот момент мы превратились в балерин. Мы продолжали менять костюмы. Другой участник беседы: Со временем мы получили нашу униформу и влились в армию...

Итак, вы погрузились на суда в апреле 1941-го?

Нет, нас отвезли в Неаполь, чтобы мы продолжили боевую подготовку и дождались погрузки на суда. Бесконечная маршировка и парады по улицам Неаполя. В это время люди уже и в самом деле были сыты по горло ожиданием отправки в Африку. Потом нас из Неаполя отвезли в Таранто, и, в итоге, мы погрузились. Это был июль 41-го. 29-го мы выгрузились в Триполи. Тем не менее, нас никто не принял всерьез, потому что были совсем юнцами. Мы продолжили боевую подготовку. Нам дали одну пушку *Cannone da 47/32* (47-мм противотанковая пушка *Böhler M35*) на батальон и один 81-мм миномет.

Что вы чувствовали в то время?

Мы сгорали от нетерпения попасть на войну. Позднее мы стали бояться, что попадем под огонь, но не в тот момент. Мы отправились в Мисрату/Misrata, что в 200 км восточнее Триполи. Там мы впервые вступили в бой с англичанами и взяли в плен 200 человек. Мы поделились с ними нашими пайками.

Что вы можете сказать о них?

Они боялись нас, потому что мы были в черных рубашках.

Вы были в минометном отделении?

Я был простым стрелком.

Теперь о Бир эль Губи (итальянцы называли его Бир эль Гобби/Bir el Gobbi)...

Нас перебросили к [ливийско-египетской] границе, и мы остановились у перекрестка *De Martino* (возможно, итальянцы назвали так собственно перекресток Бир эль Губи, где им удалось остановить британские танки и нанести противнику тяжелые потери – ВК), где британцы попытались атаковать Роммеля. Дело было в ноябре 41-го, немецкая армия напирала на англичан, а 8-я Армия [britанцев] пыталась атаковать нас. Пронеслась жесточайшая песчаная буря, потом 3-4 дня лил дождь. Нам казалось, что мы скоро утонем в этой пустыне. Средств для противовоздушной обороны у нас не было. Англичане попытались атаковать нас – [их атака была отбита]. Потом мы двинулись в сторону Тобрука. Ташить технику по той грязи было сущим кошмаром... Так или иначе, когда мы были на марше, 2-й Батальон был отправлен дальше в сторону Тобрука, а нас повернули назад, чтобы мы остановили продвижение колонны британцев. Когда мы приблизились к ним, они были в довольно плачевном состоянии, поскольку до этого попали под атаки с воздуха нашей авиации. Там мы понесли первые потери... Потом нас снова направили в сторону Тобрука, где было множество стычек с противником. Затем снова на юг, к Бир эль Губи. Мы заняли позиции 2 декабря. 3-го англичане начали подходить, большинство из них, на самом деле, были индийцами. Мы отбивались 3 или 4 дня. Наши командиры думали, что с нами все кончено, потому что наша радиостанция была повреждена в самом начале сражения.

[Ветеран, видимо, вспоминает ожесточенные бои к северу от Бир эль Губи, где 11-я Индийская Бригада безуспешно пыталась сбить войска Оси с оборонительных позиций 3-4 декабря и понесла тяжелые потери, тем не менее, вскоре немцы и итальянцы были вынуждены оставить здесь оборонительные позиции и перейти к общему отступлению на всех участках боев на завершающем этапе операции британцев Crusader.]

Когда вас произвели в сержанты?

Я был солдатом три с половиной года, потом меня произвели в капралы, потом в сержанты, так что я стал командовать. Я был вполне доволен этим.

Каковой была повседневная жизнь в Африке? Вы питались консервами? Достаточно ли было воды?

Мы [зачастую] вообще ничего не ели, потому что есть было нечего. Ни еды, ни воды

И полно мух?

Да нет, я этого не замечал. Нашей главной проблемой были растрескавшиеся губы. Мухи становились проблемой в глубине страны, в деревнях. Другой участник беседы: Не было мух, потому что было нечего есть. В пустыне их не было.

Когда вы впервые услышали о том, что Тунисе высаживаются американцы?

Другой участник беседы: В июле 42-го. Нет, в начале 43-го. Они [британцы] прорвали фронт под [Эль-Аламейном](#).

Кремонини: Когда они появились в Триполитании, нам стало известно об их присутствии... Что мы чувствовали? Да ничего: англичане или американцы, нам было все едино... После Эль-Аламейна мы отступили на расстояние 1 200 км, чтобы не попасть в окружение и в плен, постоянно ведя бои, а 21 января вошли в Тунис, оставив Ливию.

На каком уровне был боевой дух в тот момент?

Другой участник беседы: Он всегда был выше всяких похвал. Даже в последние дни. Мы никогда ни о чем не беспокоились, даже в самом конце.

Кремонини: Он (другой участник беседы) был ранен в Пасхальное Воскресенье 25 апреля, а я 29-го.

Куда вас ранило?

Меня в грудь, его в руку и ногу - он ее лишился. Мое легкое не зацепило.

Как это случилось, Вильям?

Мы атаковали где-то с роту англичан. Наша артиллерия вела огонь, размягчая оборону противника. Англичане сидели в своих [стрелковых] ячейках, в них стрелять было бесполезно, так что мы подошли вплотную к ним, и уже могли вести по ним огонь, вроде, это были новозеландцы. Они побежали, но, пока они драпали, один или двое из них вернулись назад, чтобы разглядеть нас поближе. Тут-то они и сообразили, что нас не так много. Через 5 минут они вынудили нас всех залечь.

Когда вас ранило, вы подумали, что это серьезное ранение?

Нет-нет. Мне показалось, что в меня попало что-то вроде камня, но это было не так. Это была пуля от [автомата] Томпсон/*Thompson*. Она-то и сбила меня с ног. Не знаю, сколько я пролежал, вероятно, секунд 30, а когда пришел в сознание, уже не видел никого и решил двинуться назад, к нашей передовой линии.

А остальные?

Непосредственно перед тем, как меня ранило, я взял пленного и передал его другим, чтобы его стерегли. Он помог остальным выбраться назад. Парень был новозеландцем – единственным пленным, взятым 29 апреля [1943 года].

То есть, ваши товарищи, должно быть, решили, что вы погибли: как случилось, что вас бросили?

Они не бросали меня: это я приказал им отходить назад.

Другой участник беседы пытается объяснить, что происходило в конце апреля в районе города Энфида/*Enfida* (Энфидаиль) в ходе попыток британцев прорвать оборону войск Оси.

Итак, вы пришли в себя, а дальше что было?

Я попытался вернуться к нашей передовой. Я чувствовал себя прекрасно, и все еще держал в руках оружие. Однако, еще не дойдя до своих, я обнаружил, что передо мной минное поле. Стою и не знаю, как перейти через него. Пока стоял и думал, силы начали оставлять меня. Подумал, что лучше подорваться на мине и погибнуть в поисках своей роты, чем стоять на месте, не решаясь двинуться вперед. Пошел вперед и наткнулся на каких-то немцев. Он сняли с меня куртку, и тут полилась кровь. Они наложили повязку и отвели на перевязочный пункт, где мне сделали укол морфия. Затем меня отвели в полевой госпиталь, где я встретил того самого парня из моей части, который увел пленного новозеландца. Когда к нам пришел священник, чтобы исповедовать нас, я послал его к кому-нибудь другому. У меня после этого появилось такое чувство, что я умираю...

Там нас погрузили на санитарные машины и отвезли в Тунис [город], в нормальный госпиталь. Потом пришло госпитальное судно, нас погрузили на него и отвезли в Италию. Это было последнее судно такого рода, покинувшее Африку. 6 мая нас, раненых выгрузили в Неаполе, потом было 25 июля (*В этот день вскоре после высадки союзников в Италии Высший Совет Фашистов проголосовал за ограничение власти Муссолини и передачу контроля за вооруженными силами королю Виктору Эммануэлю III – ВК*), потом 8 сентября (*08.09.1943 – Италия капитулировала – ВК*). Потом мы стали частью Социальной Республики [Сало]/*Repubblica Sociale* и воевали еще два года.

Не было ли у вас мысли о том, что война окончилась?

Нет, нет. Другой участник беседы: Для кого-то она окончилась, но не для нас.

Где вы были 8 сентября?

Дома. Меня отправили домой, к матери, на три месяца, на поправку. После этого мне дали еще 45-дневный отпуск, так как я еще не был вполне здоров. В тот самый день, 8 сентября, я был на пути домой после медицинской проверки после 3-хмесячного отпуска. Из окна поезда, идущего из Болоньи в Поджо-Ренатико, где в деревне Сан Пьетро/San Pietro in Casale был дом моей семьи, я видел на улицах толпы людей, размахивающих флагами, потому что они только что услышали об окончании военных действий. На самом деле, она просто начиналась снова, для нас.

Что вы чувствовали? Были вы рады тому, что войне конец?

Нет, никакой радости, на самом деле, я немедленно прервал свой 45-дневный отпуск и отправился вновь записываться в армию. Для меня война продолжалась. Нам было тошно от всего этого: стыдно было вот так вот драпать...

Куда вы отправились?

В штаб Люфтваффе, в Поджо-Ренатико, потому что они (немцы – ВК) заняли аэропорт.

Давайте вернемся назад, к 25 июля. Как вы восприняли новости в тот день?

Нам было тяжко на душе, потому что война продолжалась, а мы были где-то в стороне.

А 8 сентября вы не рассуждали так: Я сражался, как мог, я потерял столько друзей, а для чего?

Мы были на войне, а потом, 8 сентября, нам сказали: «Теперь вы должны стрелять в немцев.» Всего лишь день назад мы сражались бок о бок с ними. Первую медицинскую помочь мне, когда я был ранен, оказали немцы. Не знаю, как было в других местах, но в Африке существовал высочайший уровень братства между немцами и итальянцами.

Итальянцы и немцы в Африке: фотоснимок на память...

<https://erenow.net/ww/panzers-sand-1935-1941-v-1-history-panzer-regiment-5/6.php>

То есть, вы никак не могли видеть в них врагов?

Нет: как можно было ожидать от нас такой резкой перемены в настроении?

То есть, вы восприняли все это с тяжелым сердцем – новости от 8 сентября?

Для многих итальянцев это было, вроде как, освобождение. Они были сыты по горло войной. Для нас, кто продолжал сражаться, это было печальным известием, постыдным шагом...

Итак, вы вернулись в 1-й Батальон?

Нет, наш полк к тому времени попал в плен в Африке. Я отправился прямо к немцам, потому что хотел продолжить борьбу. Потом я наткнулся на одного из моих офицеров, который тоже был ранен. Он сказал: «Не ходи туда: это отвратительно – сражаться в чужой военной форме. Давай подождем немного и поглядим, что произойдет. Потом был освобожден Муссолини, была сформирована Социальная Республика, и мы продолжили борьбу в собственной военной форме.

Получается, вы так и не записались в Люфтваффе?

Нет, через 10 дней я был уже в своей прежней части. Какое-то время после 8 сентября продолжать борьбу можно было, только присоединившись к немцам, но потом была реформирована итальянская армия.

Какое-то время немцы отдавали вам приказы?

Нет, немцы просто разоружили нас, разоружили армию. После 25 июля, когда наши части были распущены, я был дома на поправке, а другие люди оставались в составе своих частей. Их отправили куда...

Другой участник беседы: *Giovani Fascisti*, которые оставались в составе своих частей 25 июля, находились в Риме. Они возвращались в казармы после участия в демонстрации с песней *Nei confine battaglioni di Mussolini/На границах батальоны Муссолини*. Через два дня казармы были окружены, это были не карабинеры, а *PAI (Polizia Africana italiana/Африканская Итальянская Полиция)* с танками. Солдат собрали, и какой-то полковник сказал им: «Теперь, когда фашизм пал, вы должны следовать за нами, или мы загоним вас тюрьму. Люди были недовольны, некоторые добровольцы протестовали. Наши капитаны сказали: «Парни, родина находится в состоянии войны, давайте продолжим борьбу. Они заставили нас снять головные уборы и спросили, куда мы хотим податься: были две дивизии, в которые мы могли бы влезть: *Sassari* и *Decimo Arditti*. Большинство пошло в *Decimo Arditti*. 8 сентября некоторые из тех, кто пошел в *Decimo Arditti*, бежал на грузовиках. Люди представились немцам, находившимся в Риме, и их отправили охранять здание, в котором находилось государственное радиовещание.

Кремонини: ... Потом *Giovani Fascisti* заняли Дворец Грасси/*Palazzo Grassi* в Риме и сформировали личную охрану [Паволини](#) (*Alessandro Pavolini* (1903-1945, итальянский политик, видный идеолог фашизма). Он временно возглавил правительство от имени Муссолини. Когда они прибыли туда, к озеру Гарда/*Garda*, в Сало, я отправился туда же и присоединился к ним. В Брешии я встретился с Балисти и сказал ему, что эти парни из моей роты и я хочу присоединиться к ним.

Балисти был в Италии?

Да, он вернулся по схеме обмена военнопленными.

Вы опять попали под его начало?

Нет, его сделали партийным функционером. Он предлагал мне остаться в его личной охране. Я узнал у него, где мои товарищи, и в январе 44-го отправился к ним. Они были в Мадерно/*Maderno* на озере Гарда. До этого я пытался найти своих. Потом, вместе с Паволини, мы начали принимать участие в боевых действиях. Паволини был во Флоренции, он организовал вооруженные отряды, примерно 200 парней. Они защищали Флоренцию от партизан. Когда во Флоренцию вошли американцы, эти парни оказали им сопротивление...

Как называлась часть, представлявшая личную охрану Паволини?

Рота *Бир эль Гобби/Compagnia Bir el Gobbi*.

Официальное название?

Нет. В начале нас было 51 человек, все *Giovani Fascisti*, ветераны кампании в Африке. Потом влились другие, и нас стало 200.

А были те из *Giovani Fascisti*, кто в прошлом был ранен, но не влился в личную охрану Паволини?

Вероятно, да.

Другой участник беседы: Всего было 524 *Giovani Fascisti*. Из них 519 остались верны Республике. 51 влился в *Роту Бир эль Гобби*, 124 записались в воздушно-десантную бригаду *Рамке/Ramcke* (по имени командира - *Hermann-Bernhard Ramcke*), 16 – в *Берсальеры/Bersaglieri* – с ними был я в чине младшего капрала. 25 человек ушли в *Дециму*.

Кремонини: те наши парни, которые записались к Рамке, воевали потом в России. В конце войны они оказались в Брешии и были отправлены в лагерь для военнопленных в Англию. Там был один парень, который под Бир эль Гобби подбил вражеский танк. Один английский танкист был ранен в живот... Мы решили взять его в плен, но, когда мы подошли поближе, к нам приблизились английские бронемашины. Пришлось уйти к своим позициям. На следующее утро мы опять пошли [на поле окончившегося боя], чтобы поискать провиант и оружие. Мы нашли того парня рядом с танком – он был мертв. Один из наших обыскал его и нашел бумажник со всякими бумагами. Дело было в 41-м. В 44-м этот итальянец оказался в плену в Англии – не знаю. Как он это сделал, но он умудрился вступить в контакт с семьей того английского солдата. Он переписывался с ними всю оставшуюся жизнь, пока не умер 3 года назад...

Кремонини: После Флоренции, где мы организовывали в отряды юных **вольных стрелков/francs tireurs**, нам было особо нечего делать, так что мы ушли, оставив там малолеток... Мы отправились в Пьемонт, чтобы приступить к антипартизанским действиям в июле 44-го. Мы осуществляли боевые операции в Пьемонте 3 или 4 месяца, до октября. Там Паволини был ранен в стычке с партизанами...

Какую форму вы тогда носили?

Мы были в форме *Молодых Фашистов*.

Итак, вы ушли из Флоренции, когда союзники были на подходе?

Да. Когда американцы вышли к Арно/Arno, мы отступили. Боев с ними у нас не было.

Вы сражались бок о бок с немцами в это время?

Да, мы вместе отступили к *Готской Линии*. Ушли в Пьемонт и остались на *Готской Линии*. Там были бои с партизанами.

Одно дело драться против англичан и американцев. Другое – против итальянцев...

Знаете, мы попали к ним в засаду, уже когда были на пути в Пьемонт. Вот, например, в канун Нового 1945-го Года мы были в театре в Милане и смотрели балет. Тут вошли какие-то молодые парни и открыли стрельбу. Там они убили одного из наших парней.

Как вы чувствовали себя, когда приходилось стрелять в соотечественников?

На тот момент они были нашими врагами.

Осознавали ли вы, что это была гражданская война, или вы были слишком молоды, чтобы думать о таких вещах?

В определенном смысле, мы понимали это. Например, когда я был в Милане, я ходил к парикмахеру. Там я всегда держал оружие под рукой. Постоянно смотрел в зеркало на то, кто еще вошел. Их [партизан] было не различить, поскольку у них было униформы. Когда мы ели в ресторанах, я всегда старался сидеть спиной к стене.

Вы постоянно ощущали беспокойство?

Да, мы все время были в напряжении. Когда ходили по городу, мы всегда шли навстречу транспортному потоку.

Мы сражались с партизанами, мы выбирались из города, чтобы искать их, но, само собой, они уклонялись от боя. Они всегда уходили куда-то, и было очень трудно завязать с ними бой. Их нужно было прижать для этого...

Вам это удавалось когда-либо?

О, да. Из книг по истории вы можете узнать о том, что они оккупировали территорию республики Оссола/Ossola (*партизанский район в регионе Пьемонт, провинция Новара, который находился под контролем партизан 43 дня – ВК*). Как только части Социальной Республики добрались до них, они ушли.

Вы в Пьемонте жили в казармах или в домах?

Жили в палатках и в армейских казармах.

Казармы партизаны атаковали когда-нибудь?

Нет.

Вы знали о приказе Кессельринга о том, что за каждого убитого немца будут убиты 10 итальянцев?

Да, на улицах были развешаны объявления об этом. Но это делали не только немцы: русские убивали по 20 человек за каждого убитого русского солдата.

Партизаны доставили вам много неприятностей...

Ну да, мы все время были в состоянии боевой готовности.

Однако Кессельринг рассматривал их как значительную помеху...

На самом деле, было не так, но на нервы они действовали.

Но Кессельринг чувствовал, что они были больше, чем занозами. Он не стал бы делать все эти декларации и сыпать угрозами, если бы они были не столь большой помехой. Он считал исходящую от них угрозу довольно значительной.

Ну, они отвлекали наши силы.

Черные Бригады
<https://www.carnalibera1944.it/documenti/brigatenere.htm>

Как вы считаете, эти меры, предпринятые Кессельрингом, были оправданы?

Я вам расскажу одну историю. У наших случилась стычка с партизанами в Пьемонте, был бой. Наши приблизились к замку, они открыли огонь из окон. Их было больше: у них рота, а у нас небольшой отряд из 20 человек. Парни установили пулемет, открыли огонь, но их было слишком мало. Двое наших были убиты, 13 человек во главе с полковником ворвались в замок, но там их прижали, и они сдались в плен.

Я отправился в горы, туда, где это случилось, и был одним из первых, кто появился на месте боя: деревня казалась пустой. Прижал одного из деревенских, приставил ему к голове мой Томпсон, и он сказал: «Здесь никого не осталось.» Тогда я говорю: «Хорошо, отведи меня туда, и ты будешь первым, кто узнает о том, что мы нашли кого-то.» Мы пошли в замок, и там я нашел трупы двоих своих солдат и больше никого вокруг. Хозяйка замка, женщина, выпалила в мой адрес длинную фразу на немецком (она подумала, что я – немец, поскольку на мне был камуфляж.) Потом она начала рыдать без остановки. Через какое-то время я ее остановил и сказал: «Синьора, пожалуйста, объясните мне все по-итальянски.» Она сразу же перестала рыдать и объяснила, что партизаны заняли замок (я это и сам знал.) О судьбе пленных она ничего не знала. Мы пошли к священнику и попросили его вступить в контакт с партизанами. Он попытался найти отговорки: «Сейчас комендантский час, то и это, но мы сказали ему: «Идите и найдите их, не пойдете, мы в полночь запалим все ваши постройки.» Он вернулся в 11.30 с запиской от нашего офицера со словами о том, что он был взят в плен, там были имена и других. С того момента мы решили начать выменивать их на партизан, попавших к нам. Через 10 дней у нас в руках было достаточно много партизан, чтобы запустить этот обмен пленными. Раньше мы не держали пленных партизан: их забирали у нас немцы...

Когда наши парни вернулись, они рассказали, что с ними обращались очень хорошо, еду делили поровну и так далее.

Как часто вам удавалось прижать партизан?

Когда мы подлавливали их, они, бывало, сдавались, бывало, начинался бой. Они, само собой, тоже старались поймать нас в засаду. Они переодевались в фашистскую форму и неожиданно нападали на нас. Они все время были в движении и всегда убегали от нас. Когда к ним кто-то попадал в плен, мы прочесывали местность. После войны они говорили нам, что мы часто были совсем близко к ним, они могли слышать нас, но нам редко удавалось поймать кого-нибудь из них.

Помог ли вам ваш опыт войны в Африке?

Он помог нам в том смысле, что мы были превосходно обучены и хорошо физически подготовлены. Мы знали, как использовать наше оружие, мы могли подолгу оставаться на ногах... На войне всегда есть место страха. Вопрос в том, как хорошо ты держишь свои страхи под контролем.

Вы привыкли к тому, что вам страшно?

Нет.

На фотографиях вы выглядите сильным, уверенным в себе...

Не знаю. Я всегда был дружен с солдатами. Не раз и не два бил кого-нибудь из них, если они не подчинялись приказам, но всегда давал им то, что им было нужно.

Вы в рейдах [rastrellamenti] участвовали?

Все время.

Иногда под огонь попадали гражданские лица. Вам приходилось это видеть?

Во время рейдов с местными ничего такого не происходило.

Можете ли вы подтвердить то, что, если гражданские лица помогали партизанам, им могла грозить смерть, но фашисты часто не обращали на это внимания?

Фашисты никого не убивали, только по необходимости.

Но вы могли интерпретировать убийство гражданского лица за помощь партизанам, как необходимость?

Да, но это нужно было доказать. У немцев могло не быть доказательств, но, однако, если один из них был убит, они убивали 10 местных. Кроме того, коммунисты (потому что обычно партизаны были коммунистами) часто провоцировали эти карательные акции, чтобы всколыхнуть ненависть к фашистам и к немцам в местных общинах.

Вы когда-нибудь видели эсэсовцев, осуществлявших эти акции?

Я видел солдат SS: они были вполне респектабельными людьми. Они были очень дисциплинированными. Ни разу не видел каких-либо карательных акций: я слышал о них.

Какой была ваша реакция на побоище в Марцаботто?

Ну, смотрите: Марцаботто находится недалеко от моего дома (*В этом городке недалеко от Болоньи в конце сентября – начале октября 1944 года эсэсовцы уничтожили около 770 мирных жителей.*) Там *Stella Rossa* обстреляла солдат, разглядев, что те находятся сами по себе. Они спровоцировали солдат, которые дали им это сделать раз, другой. Третий... Потом линия фронта тала откатываться, и командованию было необходимо очистить всю местность. Немцы и те, кто был на их стороне, предупредили местных: «Уходите, потому что здесь будут рейды, нам нужно очистить территорию.» Партизаны сказали местным: «Оставайтесь здесь. Мы защитим вас.» Когда прибыл батальон Редера и они приступили к зачистке местности по-настоящему, и партизаны ушли.

[[Вальтер Редер](#) - Walter Reder (1915–1991) командир полка в дивизии SS Reichsführer-SS. Его солдаты и офицеры совершили массовое убийство мирных жителей в деревне Мацаботто 29 сентября - 5 октября 1944 года. После войны, в 1951 году, был приговорен в Италии к пожизненному заключению, в 1985 был освобожден.]

Некоторые из партизан вообще ушли за линию фронта к американцам. Лупо [*Lupo/Волк настоящее имя [Марио Музолеси](#)* (Mario Musolesi)], командир бригады *Stella Rossa*, собрал большое количество денег и драгоценностей, отобранных у местных жителей, намереваясь раздать их беднякам после войны. Он был убит партизанами, которые хотели получить свою долю в награбленном.

[*Марио Музолеси (1914-1944), участник войны в Северной Африке, командир антифашистской бригады Stella Rossa. Погиб под Марцаботто в ходе зачистки немцами и фашистами местности, прилегающей к Готской Линии.*]

Вы лично знали [Марио Музолеси](#)?

Нет, я с ним не встречался, но знаю, что он воевал в Африке и был из Марцаботто, точнее, из Вадо/Vado (5 км к юго-востоку от Марцаботто – ВК.) Он был старше нас.

Вы встречали Редера?

Нет, из них я встречал только Дольманна (*Eugen Dollmann, 1900-1985, немецко-итальянский переводчик нацистской верхушки*). Он был во Флоренции в одно время со мной. Я встретил его, потому что он как-то появился, чтобы помочь нам. Во Флоренции у нас было два грузовика: они были спрятаны в мехмастерской. Прибыли отступающие немецкие десантники и стали реквизизировать все автомашины, которые попадали им под руку. Ну, мы пошли к офицеру по фамилии Фульманн (Fullman) и спросили его, должны ли мы открывать огонь по немцам, чтобы отстоять свои грузовики. Он сказал, что он расстреляет нас, если мы будем стрелять в его соотечественников. Ну, десантники попрыгали в грузовики, наша реакция была такой: мы выпустили по ним несколько очередей из пулемета, после чего они спрыгнули на землю. В этот момент Дольманн вышел из гостиницы, в которой проживал (он в совершенстве владел итальянским и знал нас, потому что у него был связи с Паволини.) Он переговорил с немцами, и они ушли.

Какое впечатление у вас оставил Редер?

У меня сложилось впечатление, что он был солдатом.

Какой был у вас боевой дух ближе к концу войны, когда стало ясно, что фашисты проиграли?

Мы с самого момента создания Социальной Республики знали, что оказались на стороне проигравших. Американцы тогда уже брали вверх.

Вы когда-нибудь задавали самому себе вопрос, на той ли стороне вы оказались?

Это один из тех вопросов, который я никогда не задавал себе: я просто продолжал сражаться. Когда мы отступили к Болонье, когда поляки были уже близ Порта Маццини/Porta Mazzini, я один прошел в 200 м от двери собственного дома, но не остановился, чтобы зайти в него, - я продолжил отступление. Даже если бы война продолжалась еще 10 лет, я продолжал бы сражаться, если бы меня не ранило снова. Просто во имя чести, потому что я считал, что так должно быть...

Что вы скажете о Паволини?

Он был храбрым, честным человеком.

Вы были расстроены, когда он был убит в конце войны?

Мы были привязаны к нему. Мы знали его семью, его детей: его сын [после войны] стал президентом авиакомпании *Alitalia*, а дочка вышла замуж за француза.

Что вы делали после войны?

После войны я снял свою военную форму и стал переезжать с места на место: время от времени останавливался в монастырях, гостиницах. Кое-какие деньги я успел скопить. В моих документах было написано, что я – обычный гражданин, и позиционировал себя как бывший военнопленный, репатрировавшийся из Германии.

Удача была с вами?

Да, пока я не вернулся в Болонью: до этого никто меня не узнавал. Как-то после полудня я вернулся в Болонью, и вечером они пришли за мной и сказали: «Господин Кремонини, следуйте за нами в полицию.» - «Могу я поужинать хотя бы?» - «Нет. Это займет всего 5 минут.» Вместо пяти минут это заняло год: 5 месяцев в тюрьме в Болонье, потом меня перевели в Милан.

*Вооруженные итальянцы арестовывают человека, симпатизировавшего фашистам.
Рим, 1944*

<https://www.theguardian.com/world/2016/apr/12/fascism-italy-anthem-giovinezza-josephine-baker-communism-bolivia-1950>

Потом вас освободили: чем вы занялись?

Вернулся в Болонью. 5 лет ничего не делал: работу найти было невозможно. Моя мать была вынуждена содержать нас. Начиная с 1950-го, мы пытались жить обычной жизнью. До этого полиция время от времени приходила, чтобы проверить, что у нас происходит. Я женился, в 1951-м нашел работу печатника. Начал простым рабочим, к концу первого года стал мастером.

У меня сын и дочь. Сын работает в компьютерном бизнесе, увлекается фотографией и автомашинами. Дочка работает бухгалтером на фабрике компьютерных игр...

АНТОНИО КУЦАТТИ (ANTONIO CUCCIATI)

Участник боевых действий против британцев на северо-востоке Италии

Кем был по профессии ваш отец?

У него была скобяная лавка, кроме того, он был кузнецом, водопроводчиком, имел небольшой бизнес.

Где вы посещали школу?

В Милане. Там я обучался у священнослужителей. Мы все учились у них, а моя сестра училась у монахинь. Все мои школьные годы прошли в Милане, в том числе, в военное время. Средней школы в Сан Коломбано/San Colombano не было, и нам приходилось учиться в Милане или Лоди/Lodi. Учиться у священников было дешевле, да и мои родители были очень религиозными людьми.

И вы были религиозными детьми?

Да, даже очень. К тому же брат моего отца был священником и также брат моего деда. Сестра моей матери была монахиней.

И как был со священниками? Они были добры к вам? Была ли там строгая дисциплина?

Да, очень добрыми, но строгими. В те годы дисциплина была гораздо сильнее.

Были ли они строже, чем обычные учителя?

Не знаю, больше я нигде не учился. Но в те годы и дома все было строже. Моя мать была учительницей в начальной школе в Сан Коломбано, и это с четырьмя детьми.

Какие у вас были увлечения в детстве?

Футбол. У меня хорошо шел футбол. Кроме того, тогда я слишком часто влюблялся.

Ваша семья всегда поддерживала Муссолини?

Да, да. Сначала Отечество, потом Муссолини

Почему?

Потому что мы выросли с этим. Знаете, почему? Потому что в те годы было много забастовок. Священников преследовали левые, которые их поколачивали.

Прямо поколачивали?

Да. Муссолини привнес порядок, забастовки прекратились, не стало правонарушений. Он создал *INPS* (*Istituto Nazionale della Previdenza Sociale* – систему социального обеспечения), он стимулировал рост экономики, он также помогал церкви. Левые устраивали демонстрации – вы знаете, левые хотели установить коммунизм в Италии и заняться поркой священнослужителей и Папы. Вот поэтому-то 98 процентов итальянцев были за Муссолини в 1930-х.

Вы помните, что вы чувствовали, когда узнали о том, что Италия вступила в войну?

Ну, мне было 13, моему брату 12, так что мы многого не помним. Мы второй год учились в школе-пансионате в Милане. Мы знали, что к этому шло, но мы не то чтобы радовались этому. В 1940-м нам казалось, что война вот-вот закончится.

Ваш отец был участником войны?

Он родился в 1896 году. Его вызвали в Милан, чтобы он служил охранником, пока другие проходят военную подготовку. Он служил в вспомогательных частях на железнодорожных станциях, на фабриках и складах, но всего лишь несколько месяцев. К 1940-му ему было 44 – он уже был слишком старым, [чтобы воевать], и его отправили домой.

А что было с вами 25 июля [1943 года]?

25-го июля мы поняли, что что-то происходит. В небольших городках не было растерянности, а было, скорее, удивление, и мы не слишком радовались случившемуся. Мы уже знали, что дела идут не очень хорошо, мы знали, что союзники высадились на Сицилию.

А 8 сентября вы еще были в школе?

Да, к этому времени мы стали понимать больше. Многие итальянцы продались союзникам. Военно-морской флот ушел к ним. Французы этого не сделали (*имеются в виду события 1940 года после капитуляции Франции – ВК.*)

Итак, вам тогда было 16. Вы уже закончили школу?

Нет, мне оставался еще один год. Я поступил в технический колледж, а потом, в мае-июне 1944 года я вступил в качестве добровольца в Дециму/*Decima Flottiglia Motoscafi Armati Siluranti*, также известная под названиями *La Decima* или *X^a MAS* – отряд морских командо, продолживший боевые действия в составе вооруженных сил Итальянской Социальной Республики после капитуляции этой страны – ВК). Там я прошел курс обучения плаванию и прыжкам с парашютом.

Почему именно Децима?

Потому что это была элита, кроме того, мы, ребята из глубинки, хотели в море. В этом решении не было никакой политики: нам даже не разрешили вступить в фашистскую партию.

Люди из этого подразделения были известны как парашютисты-молнии, которые сражались под Эль-Аламейном. Это были диверсанты для атак на морские пути в районе Гибралтара и Александрии. Еще одной для такого решения было то, что нам не нужно было отправляться в Германию для прохождения боевой подготовки. Все остальные части были должны пройти через это, но не мы. Я расскажу вам, куда нас отправили перед тем, как разрешили принять участие в боевых действиях (а немцы настаивали на том, что нам нужна настоящая боевая практика): нас отправили в Хорватию.

Мы немного скакнули вперед, не так ли?

Да, давайте вернемся назад. Итак, у Децимы был такой ореол, была такая репутация благодаря их успехам в Африке. Ну и потом, есть такой принцип: если ты начал войну на одной стороне, ты должен закончить ее на той же. Для нас 8 сентября 1943 года стало самым черным днем в истории...

А не были ли вы слишком молоды, чтобы идти на войну в 17 лет?

Было такое. Нас не посыпали на передовую до того, пока нам не исполнилось 18 лет. Однако через какое-то время на войну стали посыпать тех, кому уже исполнилось 17 с половиной. Это относилось только к двум или трем из нас в нашей части, и мы были там нужны...

Как проходила запись в Дециму?

Были временные пункты записи – я пошел на один из них в Милане, но к тому времени в Дециме по всей Италии уже служили 120 000-130 000 человек. Я попал в парашютисты.

Вы были сами по себе или с друзьями?

Из Сан Коломбано мы уехали вдвоем с одним парнем. Он потом вернулся домой – дальше Лоди он не поехал. Знаете, мы уехали, так и не сказав ничего родителям. Они бы нам этого не разрешили. Многие парни ушли из дома, но так никуда и не попали: реальная жизнь сильно отличалась от их ожиданий.

Вы пешком шли?

Да, пешком, еще голосовали и подсаживались на машины по дороге в Милан. Оттуда нас отправили в Турин, а потом уже в различные пункты назначения.

Итак, вы ушли из дома, чтобы записаться в армию, и вас на месте спросили, хотите ли вы служить в Дециме или какой-то другой дивизии?

Да нет, там, где мы оказались, записывали только в Дециму. Нас спросили, в какой дивизии мы хотели бы служить. Если бы я записался в *Mezzi d'Assalto* (*морские диверсанты – ВК*), мен пришлось бы обучаться и тренироваться еще 6 месяцев, так что я пошел в парашютисты. Само собой, нам предстояло обучение. Мне сама идея прыжков с самолета нравилась...

Итак, вы поехали в Турин, чтобы пройти курс подготовки?

Нет, в Турине нам выдали содержание и кое-какое снаряжение.

Сколько вас оказалось в группе приехавших в Турин?

Около 200. Там мы пробыли одну или две недели, а затем нас отправили в различные лагеря для прохождения подготовки в соответствии со сделанным выбором. Затем меня отправили в Сан Феделе д'Интелви/San Fedele d'Intelvi рядом с Комо/Como на границе со Швейцарией. Оттуда они нас хотели отправить в Германию, но мы отказались.

Кто это «они»?

Командование дивизией, а, может быть, и политики. Мы не знали. Все дивизии проходили подготовку в Германии, кроме Децимы. Мы отказались ехать.

Так вы что, отказались выполнить приказ?

Обстановка была довольно анархичной, и мы были, в самом деле, независимой частью.

Кто же отказался ехать в Германию? Не только вы?

Да нет, вся дивизия: командиры и все остальные. Потом, в Сан Феделе, нам сказали: «вы не знаете, как обращаться с оружием, мы должны обучить вас этому. Так что нас послали на берега реки Пиаве в провинцию Венето (*район близ границы со Словенией – ВК*). Когда мы закончили курс, нам сказали: «Пришла ваша пора пройти крещение огнем.»

Каким было обучение?

Мы изучали легкое и тяжелое оружие итальянского и немецкого производства, была общая подготовка,очные учения, но не было прыжков с парашютом, потому что у нас не было самолетов! Было три тренировочных прыжка, но не на морскую акваторию. Предполагалось, что мы будем пловцами/парашютистами, обученными диверсиям в портах, но вместо прыжков на морскую или озерную поверхность, насбросили над сушей.

Горючего не хватало, попросту говоря. Мы не могли обучаться вождению танков – мы просто врыли их в землю и использовали в качестве артиллерии.

Мы, парашютисты обучались использованию всех видов легкого вооружения, потому что это были штурмовые войска.

Ваши родители начали скучать по вам?

Да, немнога позднее. Он (Антонио показал на брата) приехал, чтобы найти меня.

Родители послали?

Да нет, он по своей воле приехал.

Брат: мы не знали, куда он уехал: он покинул дом, не оставив и записки.

Антонио: Если бы я рассказал кому-нибудь о своих планах, родители приехали бы ко мне и заставили бы меня вернуться домой.

Брат: Он исчез, сами видите. Я и моя мать, поскольку он все время бредил *Децимой*, поехали в Милан, в штаб *Децими*. Там мы ознакомились со списком добровольцев, нашли его имя и подпись.

Антонио: Мать попыталась заставить их отправить меня домой, но они отказались, сказав, что я поставил свою подпись, и так оно и будет. Я был им нужен.

Брат: Он исчез, так скажем. Он писал домой, но не мог сказать, где он находится, поскольку это был почтовый ящик.

Антонио: Там было всего 4 или 5 юнцов, остальные были в возрасте 22-23 лет. Но все были добровольцами.

Брат: Но мы узнали, где он, потому что он прислал нам почтовую открытку, в которой название городка Видор/Vidor (?) было замазано не полностью. Мне тогда было 16. Не сказав никому ни слова, я уехал искать его. Учтите, что тогда не работал общественный транспорт, я рассчитывал просто на то, что мне повезет. Все мосты были разрушены. Приходилось путешествовать ночью, потому что днем ты мог попасть под обстрел с воздуха. Но я приехал на место и оставался там неделю. Мне дали работу – чистить картошку на кухне – и спросили, не хочу ли я остаться. Нет, сказал я, ни за что я не буду чистить картошку...

Антонио: Итак, мы окончили наш курс и отправились в Хорватию. Дело было под Рождество, год 1944-й, шли бои против партизан Тито. Они были настоящими животными. Мы видели, как союзники сбрасывают им снаряжение и припасы и как они дерутся за него. Посреди леса они забирались на макушки деревьев и стреляли по своим же товарищам, которые пытались добраться до продуктов раньше них. Когда мы прибыли на место боев, югославы сбежали! Они устали от боев, устали от войны. Они провели в горах годы к тому времени, а мы были свеженькими.

Под конец обучения вам нужно было сдавать экзамены или что-то в этом роде? Были ли кто-то, кто не прошел тестирование?

Нет, никто не провалился.

Было ли страшно в бою? Или все это было просто приключением?

Сначала я испугался: в лесу ты не видишь, откуда по тебе стреляют.

А до того, как вы отправились в Хорватию? Когда вам сказали, куда вы едете?

Нет, мне не было страшно. Тогда я не знал, что такое опасность.

Было возбуждение?

Да и этого не было. Но, прибыв в зону боев, я испытал страх.

В каком батальоне вы служили?

Nuotatori e paracadutisti (NP - Пловцы и Парашютисты в составе Децимы).

Были ли у вас определенные ожидания перед тем, как вы вступили в бой?

Да, они были, но действительность оказалась совсем другой. Все оказалось намного более жестоким и грубым, но старшие и более опытные бойцы батальона укрепили в нас уверенность в себе: они проложили нам дорогу.

Вам понравилась боевая подготовка?

Да, это был положительный опыт, хороший опыт.

Солдаты Республики Сало на фронте
<https://comandosupremo.com/1944-1945/>

Хорошими друзьями обзавелись?

Да, конечно, и мы до сих пор встречаемся. Там был дух настоящего товарищества. Потом, в последние две недели в Хорватии (всего мы провели там три недели), пришли немцы. Они хотели посмотреть, на что мы способны.

А кто послал вас в Хорватию?

Мы поехали туда по своему собственному выбору, чтобы показать, на что мы способны в бою, на передовой. Это было решением [Боргезе](#). Вы знаете, что послевоенный суд признал Боргезе невиновным [в военных преступлениях]. Была еще одна причина: уже было понятно, что мы проигрываем войну, и существовал большой риск, что партизаны Тито захватят Истрию (*спорная территория между Италией и Югославией со смешанным итальянским, словенским и хорватским населением – ВК*). Все подразделения Децимы побывали там: батальоны *Barbarigo, Lupo, Saggitalio*.

Все, чего мы желали, - это окончить войну на той стороне фронта, на которой начинали ее. Но мы отказывались расстреливать [итальянских] партизан. Мы делали это только в Хорватии, которая не была нашей землей. Теперь я расскажу вам взаправдашнюю историю: командир батальона *Barbarigo* – лучшей части в *Дециме* – был убит партизанами из засады в Пьемонте. Ну, Боргезе созвал командиров различных частей и сказал: «Теперь мы должны преподать им урок, потому что так поступать не стоит. Кто хочет принять в этом участие – пожалуйста, остальные могут отправляться по домам.» Муж Сусанны Аньелли (*Susanna Agnelli, 1922 -1996 – в послевоенное время – политик-республиканец, первая в истории Италии женщина-министр иностранных дел - ВК*), например, ушел домой, сказав, что ему не нравятся подобные методы [речь идет о жестоком возмездии, обрушившемся на партизан после гибели командира батальона Умберто Бардelli] (*Umberto Bardelli*) – ВК].

Потом, в январе, мы вернулись в Венето из Пьемонта, отдохнули и отправились на фронт в район Романья/Romagna. Там мы сменили лучшую из немецких дивизий - *Hermann Göring*. Они сказали нам: «Смотрите, не облажайтесь тут, а то вечно вы что-то делаете не так!»

И где вы оказались?

В районе городка Баньякавальо/[Alfonsine] Bagnacavallo, провинция Равенна. Там была 8-я Армия [британцев], в которой еще были поляки, новозеландцы, индийцы, но всем заправляли, само собой, британцы. Если [на передовой] кого-то ранило, мы поднимали белый флаг, чтобы вытащить человека. Мы просили, чтобы нам дали час-другой, они же просили полдня! Между нами не было ненависти, мы были словно два боксера. Однако мы ненавидели коммунистов, но на той стороне коммунистов не было.

Какими были условия на фронте?

Хорошими. Совсем даже неплохими. К нам относились хорошо, выдали нам шестимесячное содержание. Мы очень хорошо питались. У нас было консервированное мясо, хлеб, курятину, полно фруктов, потому что мы были в Италии. Разрешите мне кое-что вам объяснить: между нами и индийцами было всего 20 метров. Днем мы высовывали головы из окопов и говорили друг другу *hello*. Когда не было призыва стрелять, мы были с ними самыми лучшими друзьями.

А непальцы были среди индийцев?

Да, непальцы, индийцы. Всякого народа понемногу. По ночам они делали кое-что такое, что хорошим отношением не назовешь. Ну а я лежал за пулеметом и прикрывал других.

Что за пулемет?

MG 34. Он до сих пор в продаже. Немецкий пулемет: выпаливал 1 200 выстрелов в минуту.

Пришлось ли вам заново рыть окопы?

Нет, мы просто заняли немецкие. Они провели там месяцы.

Были ли там бетонные укрепления?

Только земляные, ничего изготовленного заранее.

По вам стреляли днем и ночью?

Да.

Но вы говорили, что днем стрельбы не было?

Нет, знаете, они постреливали, но, поскольку окопы были столь близко, они стреляли поверх наших голов [Антонио показывает фотографию, сделанную на передовой]. Видите, они здесь по нам не стреляли, потому что могли случайно попасть в своих.

А артобстрелы были?

Да, и еще они стреляли снарядами, набитыми листовками. Падая на землю, они разлетались и выпускали тысячи листовок, которые были пропуском [на другую сторону фронта], если ты решал сдаться в плен. Некоторые так и делали: святые живут только в церквях. Это были семейные люди, у которых где-то на юге были дети. А вообще союзники целыми днями крутили через громкоговорители песню *Rosa Munda* (знаменитая полька, также известная под названием *Полька Пивной Бочки - ВК.*)

Может показаться, что это Западный Фронт времен Первой мировой...

Да-да. Мы проторчали там всю зиму.

Были ли среди вас пострадавшие?

Да, я был ранен в плечо. Но я расскажу об этом позднее. О пострадавших и говорить нечего. Немного пленных. Раз за разом за передовую уходили патрули и не возвращались. Затем мы получали записки, которые не знаю, кто приносил. Думаю, это были индийцы, потому что эти записки появлялись из ниоткуда. В них было следующее: «Нас взяли в плен.» Должно быть, их подбрасывали в ночное время.

У индийцев не было к нам недобрых чувств. Знаете, почему? Потому что Ганди поддерживал Муссолини и Гитлера. В политическом плане, я имею ввиду, не по отношению к войне.

Сколько времени вы проводили на огневой позиции?

Мы оставались там 8 часов в дневное время и 8 часов ночью. Мы были там посменно. Одна смена продолжалась 12 часов: 8 часов днем – 4 часа ночью или 4 часа ночью – 8 днем. На каждой позиции нас было по двое. Но в моменты перемирий мы не все время проводили на позиции: мы уходили, чтобы поесть, например. Мы были на позиции тогда, когда наши отправлялись на патрулирование – мы должны были прикрыть их огнем, если надо. У нас было полно свободного времени: за едой мы могли провести часа два. Мы возвращались к своим, там были палатки, в которых мы ели – в эти палатки приносили еду.

[За этим последовало обсуждение следующего вопроса: каким образом итальянцы могли исчезнуть из поля зрения противника, если местность была настолько плоской? Объяснение: итальянцы рыли блиндажи и делали насыпи, чтобы скрыться.]

Так продолжалось всю зиму. Тем временем они (союзники – ВК) готовились к финальному наступлению, которое было осуществлено в апреле.

Болели ли вы чем-нибудь, ведь вы все время были в жидкой грязи?

Нет. Мы были хорошо экипированы, у каждого было по две-три пары башмаков. И спали мы в помещениях, в заброшенных сельскохозяйственных постройках. У нас был душ, бывала баня.

Затем, в начале апреля, англичане высадились в Комакко/Comacchio, позади линии фронта. Нам пришлось отступать, чтобы не оказаться отрезанными. Примерно в это время кто-то пришел искать меня. Мне сказали: «Куцатти, сюда пришел кто-то из твоего города, тебя ищут.» (Позднее этот парень возглавил COMI – Comitato Politico Italiano.)

Все время нам приходилось прислушиваться к свисту пуль и снарядов, пролетающих у нас над головами. Если ты слышал свист, это означало, что над тобой пролетела пуля. Если не слышал, это означало, что она летит в тебя. Я стоял и разговаривал с этим парнем, и тут кто-то сказал: «На пол, парни, сюда и на нас что-то летит.» Упав на землю, я почувствовал тепло вот здесь (Антонио показывает на плечо.) Я потерял сознание и очнулся уже в госпитале в Ардженте. Когда я упал, я разбил себе нос, и теперь, когда кашлял, я выкашивал кровь. Врачи думали, что кровь идет из легких, поэтому решили для себя, что с этим парнем все кончено, оставьте его, дайте ему умереть: в полевом госпитале они ничего не могли сделать с пробитыми легкими. А я знал, что со мной все будет в порядке: я прокашлялся пару раз, и кровь перестала появляться. Я сказал об этом медсестре, мне дважды сделали переливание крови, а потом перевели в госпиталь в Падуе/Padova.

Сколько времени вы провели в госпитале?

Где-то месяц, меня переводили из одного госпиталя в другой. Пришлось делать операцию. Потом, в начале мая 45-го, когда я был в госпитале в Гавардо/Gavardo в провинции Брешиа, приехали люди на грузовике и сказали, что все солдаты республиканской армии должны или отправляться в тюрьму, или в концлагерь. Меня отправили в концлагерь, находившийся в замке Брешии. Потом появились американцы. Они собрали всех, спросили, кто служил в какой части. Я сказал – в NP. Они ответили: «OK, ты не совершил никаких преступлений, можешь идти.» Потом спросили: «Ты куришь? Вот тебе 200 сигарет. Любишь шоколад? Вот тебе шоколад. Бэби, отправляйся домой.»

Итальянские и немецкие солдаты сдаются союзникам. 1945 год
<http://www.todayshistory.org/wp-content/uploads/2018/04/a028463e5b5a63763e9068d47b2926c1.jpg>

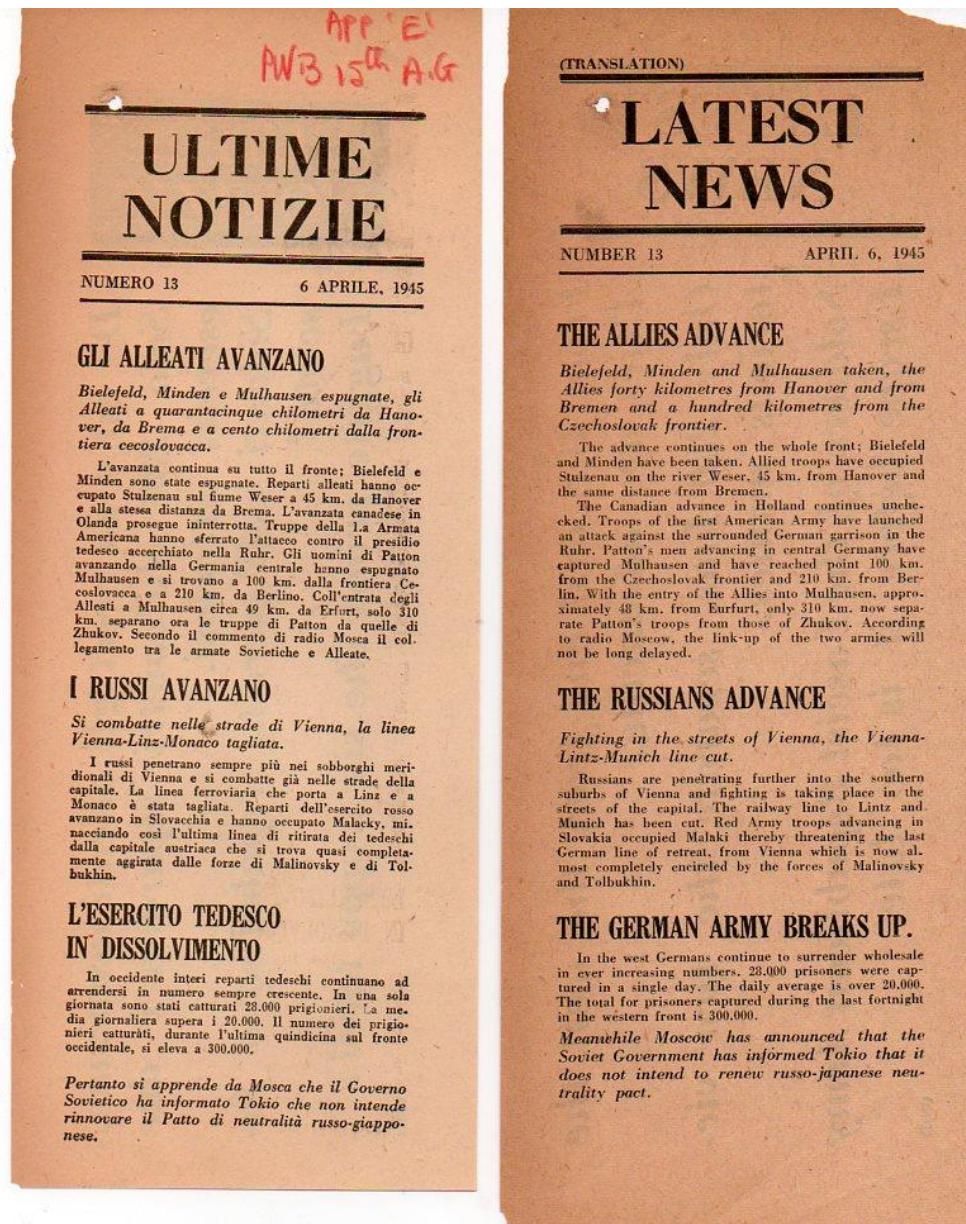
Что вы чувствовали в конце войны? Вы наверняка знали, что война проиграна.

Конечно, мы знали об этом. В тюрьмах с людьми обращались дурно. Нам повезло. Мы сидели в замке. А в тюрьмах партизаны били людей, чтобы выколотить из них информацию.

Когда моя часть отступала из Комаккио, они дошли до Венеции. Они не стали сдаваться партизанам – они решили: раз мы воевали против англичан и американцев, мы им и сдадимся. Это было между 8 и 10 мая. Парней отправили в концлагерь в Алжире.

Итак, вы знали, что войну вам не выиграть?

Первое, что Боргезе сказал нам, когда мы записались в Дециму, было следующим: «Нам не победить, но мы должны сохранить свою честь.»

Британская листовка, призывающая итальянских солдат-фашистов капитулировать.

Апрель 1945-го

<https://longstreet.typepad.com/thesciencebookstore/2010/11/propaganda-and-surrender-tickets-world-war-ii-1953-1945-part-i.html>

То есть, вы считаете, что спасли свою честь?

Да, я в согласии с собой. Однако мне было стыдно, нет, не то что стыдно: я был в гневе от того, что происходило в Германии, в концлагерях. Но никто не знал, что там делается. На самом деле, нас обвиняли в том, что мы сотрудничали с ними [с немцами], но наш ответ таков: а американцы дружили с русскими.

Вы симпатизировали фашистской милиции, чернорубашечникам?

Нет. В действительности мы были независимы от них. Мы даже хотели выкинуть их.

Что вы имеете ввиду?

Ну, фашисты не хотели принимать то, что мы автономны от них. Был момент, когда они арестовали Боргезе, потому что тот хотел оставаться независимым. Мы были частью военно-морского флота, а флот и авиация были относительно независимыми. Это – технические рода войск, а не политические силы. Фашисты – карабинеры, полиция – занимались общественным порядком. Они не появлялись на передовой. Когда Боргезе был арестован, мы готовились к тому, чтобы освободить его силой, так что они отпустили его, чтобы избежать неприятностей.

После войны многие из наших офицеров занялись обучением американских военнослужащих.

Далее Антонио излагает одну из версий гибели линкора Новороссийск (б. Giulio Cesare). По его мнению, двое коммандос из Децимы заминировали днище линкора, после чего он взорвался, за чем последовала гибель большого количества людей.

Сколько времени вы провели в ВМФ после войны?

Два года, потом уехал домой и стал работать в компании Shell. Я работал в чертежном департаменте в Генуе, где прожил 27 лет. Наград у меня никаких не было, и я отношу себя к тем, кто проиграл войну. Знаете, в Италии теперь каждый говорит, что был на стороне победителей.

Что вы думаете теперь о партизанах? 60 лет прошло. Остались ли у вас негативные чувства?

Да, и я скажу вам, почему: они и теперь говорят, что убивать фашистов не было преступлением. Они перебили от 70 до 80 000 человек после войны. И не только фашистов, а всех, кто поддерживал Республику. Теперь, наконец, об этом стали писать в книгах. Я всегда говорю: была одна война, а я проиграл ее дважды...

Брат: Они воевали в Венето, чтобы защитить наш восток: Истрию, Полу/Pola, Фьюме/Fiume. Вместо того, чтобы отправляться в Сенио/Senio, чтобы сражаться с американцами (война все равно была проиграна), им стоило бы остаться в Истрии и не дать партизанам Тито оккупировать ее и устроить эти побоища, такие, как Фоибе/Foibe и прочие этнические чистки (Фоибе – буквально – глубокая карстовая воронка: термин, которым обозначают этнические чистки итальянского населения в районах со смешанным населением близ границы Италии и Югославии в годы ВМВ, осуществленные югославскими партизанами – ВК). Он могли предотвратить это...

Боргезе и Черчилль хотели добиться этого, но солдаты рвались на [главный] фронт. Знаете, как солдаты переправлялись через реку Сенио? Они загнали танки в реку и перебрались через нее по их башням.

Антонио смотрит на фото тех, кто отправился в Германию для прохождения военной подготовки.

Полагаю, многие из них домой не вернулись?

Да, верно. Особенно из числа тех, кто служил в дивизии *Liguria*.

Наш дядя был партизанским командиром, но в этих краях ничего особенного не происходило во время войны. Партизаны приходили на фермы и просили крестьян, чтобы им дали продуктов для своих, но на самом деле это было не так. Мы называли их *ladrigiani - воры*.

Есть ли у вас друзья среди бывших партизан?

Общество до сих пор разделено. Левые поддерживают такие настроения, а мы бы хотели положить им конец. Но не забывайте, что крупнейшей коммунистической партией в Европе после войны была итальянская.

В Сан Коломбано местным секретарем фашистской партии был ветеринар. Его жена была беременна, у него уже было двое детей. Как-то раз он оштрафовал местного пекаря, потому что тот торговал белым хлебом на черном рынке. Тот заплатил штраф, и, казалось, на этом история закончилась. Однако после войны туда заявились какие-то партизаны, чтобы убить ветеринара.

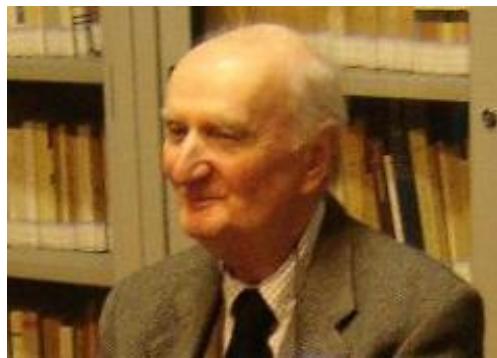
Убить?

Да, за то, что он когда-то оштрафовал пекаря, и за то, что он был фашистом. Ну, взяли его, вывели на площадь, поставили к стенке. В этот момент появились местный священник и врач, встали перед ним и сказали: «Парни, у него есть дети, жена беременна, вы что, серьезно собираетесь убить его за то, что он заставил пекаря заплатить штраф?» Его пощадили, хотя избили и посадили в тюрьму. Это было самым неприятным инцидентом в те времена в Сан Коломбано.

Когда война окончилась, в Сан Коломбано осталось какое-то количество немцев. Они собрали все телефонные провода, чтобы забрать их с собой. Один партизан подошел к немцу и отобрал у него оружие. Тогда немец вернулся в казарму, выкатил полугусеничный транспортер с пулеметом на нем и обстрелял чуть ли не весь город. Все попрятались по домам. На следующее утро немцев уже не было, и тут-то все стали партизанами...

РОБЕРТО ВИВАРЕЛЛИ (ROBERTO VIVARELLI)

Роберто Виварелли (1929-2014) на последнем этапе войны служил в армии Республики Сало. Его отец служил на Балканах и был убит югославскими партизанами-коммунистами. Виварелли записался в Decima MAS летом 1944 года в возрасте 15 лет и служил в этой части до конца войны. Активного участия в боевых действиях не принимал. После войны стал историком, издал несколько трудов. Написал книгу воспоминаний La fine di una stagione/Конец сезона (2000).

Вы были тогда совсем молодым парнем... Это потрясающе, как вы сумели передать столь ясную картину того, что происходило тогда...

Тогда я смотрел на все происходящее именно так. Забавно то, что в конце книги я пишу о том, что в то время мне не было стыдно, и я не думаю, что мне было, чего стыдиться. Если бы я сунул свои нынешние ноги в свои башмаки в то самое время, у меня все равно не было бы другого выбора. Это не означает, что, если бы я знал обо всем происходящем, я бы точно сделал то же самое, но и правда я пытался переместить себя назад во времени. Насколько я знаю, если говорить о евреях, еврейский вопрос не имел никакого значения для любого бойца в Республике Сало. Мы ничего не знали о судьбе евреев, потому что все эти дела всплыли позднее, а мы об этом не беспокоились, то есть, я хочу сказать, что евреи для нас не были проблемой.

А вы знали о депортациях из Рима?

Да, но это сделали немцы. Это задокументировано, но люди обычно не принимают это во внимание... Возьмите Сиенну/Sienna, город, откуда я родом. Куко (? - Сиско), который был так называемым *Cappo de la Provincia*, что-то вроде префекта Сиенны, убежденный фашист, у которого жена была немкой, узнал за 24 часа до того, как придут немцы, что они собираются увезти всех евреев из Сиенны. Так он сделал все возможное, чтобы дать евреям знать об этом и время для того, чтобы они могли спрятаться. В самом деле, многие евреи из Сиенны попрятались, и их жизни были спасены. Было немало тех, кто отказался уйти, потому что они не верили в такую страшную опасность. Вы должны различать: была идеологическая сторона вопроса, был Паволини, правда и то, что и религиозной, и с идеологической точки зрения было сделано немало резких заявлений, направленных против евреев. На тот момент они были не резче, чем в предшествующие времена, но их считали врагами нации. Было еще и отношение к этому рядовых граждан, которым на самом деле были равнодушны по отношению к евреям. Часть, которая помогала немцам хватать евреев, помогла им лишь косвенно. Инициативы они не проявляли и прямо в этом не участвовали.

Теперь о Паволини. Это был фанатик. До сих пор так и не была издана его биография с критической оценкой [этого человека].

В своей книге вы высказались в том смысле, что в нем была какая-то тоска, что он понимал, что все это никогда не сработает. Он думал, что [фашизм] был правильным делом и верной дорогой для Италии, но он у него было уверенности в том, что его дело будет жить...

Он носил пару драных башмаков, и, когда кто-то сказал ему, что башмаки пора менять, он ответил, что оно того не стоит, потому что скоро они уже не понадобятся.

А как выглядела его вилла?

О, превосходно, с бассейном и теннисными кортами. Она до сих пор стоит в центре Милана. Это резиденция какого-то промышленника, производящего швейные машинки.

Вы много времени провели в казармах неподалеку от нее?

Да, моя часть, судя по всему, была особенной, почти что отрядом телохранителей Паволини, хотя нам этого не хотелось делать, так что сначала мы отбыли в Пьемонт, а потом, прямо перед окончанием войны, отправились на Готскую Линию.

Это тогда, когда вы отбыли в Болонью?

Да.

Знаете, мы какое-то время провели с Вильямом Кремонини. Он нам и рассказал о вас.

Это честнейший человек, очень простой...

Знаете, мне не кажется, что у него была какая-то серьезная идеологическая мотивация.

Для него все было только черное и белое. Он просто чувствовал, что воевал в Северной Африке не для того, чтобы прийти назад в Италию, развернуться и сказать, что все это было пустой троцкой времени. Для него это было неправильным: он прошел путь фашиста, он был окружен людьми, настроенными профашистски. Он всей душой стремился вступить в молодежное фашистское движение до войны, и доподлинно известно, что он храбро сражался за свою страну в Северной Африке, был тяжело ранен и покинул ее на последнем корабле...

Это важно – вы хотели попасть на фронт и внести свой вклад в общую борьбу...

Вот именно. Те, кто как я вступил в Дециму, не хотели воевать против партизан. На самом деле, в тот момент их просто не существовало.

Мы хотели продолжать сражаться, как и в начале войны. Мы хотели драться до конца. Партизанская война стала реальностью позднее, и это стало весьма неприятным сюрпризом. Никто не хотел участвовать в [антипартизанских] рейдах. Мы были вынуждены делать это под давлением обстоятельств.

Похоже, во время рейдов, в которых вы принимали участие, вы ничего так и не нашли. Было всего лишь 2-3 случая, когда вы натыкались на партизан?

Да, это война. Вы не стремитесь столкнуться с врагом, рискуя потерпеть поражение, - стремление избежать этого – часть игры, стыдиться тут нечего.

Меня поразила ваша сильнейшая решимость записаться в армию и вступить в Дециму. Я знаю, что первоначально вы отправились в Рим со своим другом... А еще были у вас друзья, которые записались в армию в таком юном возрасте?

Ну, в этом не было ничего уникального: были и другие парни примерно моих лет. Я не могу этого объяснить. Желание вступить в армию было сумасшествием, а мысль о том, что остаешься дома, когда другие уходят, была для меня невыносимой. Я хотел принять участие в событиях.

Я помню в вашей книге описание того, как союзники пытались атаковать с воздуха судно у побережья близ Венеции и не попали в него... А вы сами попадали под бомбы? Когда жили в Милане и Сиенне?

Ну конечно. Не помню дату первой бомбардировки Сиенны, но ее саму помню хорошо. Сиенна была небольшим городком... Много людей погибло, а мне просто повезло. Я был в Брешии, когда случилась первая бомбежка этого города, и я пережил драму, потому что меня [взрывом] швырнуло на стену, а рядом пролетело множество осколков. В определенных обстоятельствах всем становится страшно, по-другому не бывает. Однако, если в тебе есть немного мужества, а это от природы, в войне для молодого человека, знаете ли, есть и немало захватывающего.

Ну и чувство товарищества, братства...

Да, во многом о тебе заботятся... Думаю, что нельзя выставлять напоказ только негативную сторону всего этого, и не говорить о ... не скажу, что о хорошем, я бы сказал. О привлекательной стороне [войны]. Думаю, что это немаловажно.

Полагаю, что когда вы сидели в том грузовике, и вас обстрелял самолет, это был ваш первый опыт того, что вокруг вас людей убивают и ранят?

Да, это было в первый раз, когда и испытал то, что стреляют прямо в меня. Позднее я оказывался в подобных ситуациях не один раз. В такие моменты просто стараешься спасти свою жизнь. Бежишь на обочину дороги или еще куда-нибудь, чтобы в тебя не попали. Не думаю, что в такой момент кто-то впадает в сложные размышления, – человек просто действует инстинктивно... А вообще, на войне люди смотрят на происходящее не так, как это происходит, скажем, сегодня. Я вот сейчас читаю книги Энтони Пауэлла (*Anthony Powell, 1905-2000, английский романист - ВК*) про Лондон во время войны. Люди в Лондоне во время войны привыкли к бомбёжкам и пожарам. Конечно, это был шок, были [психологические] травмы, но со временем к этому привыкаешь...

Ваше детство было вполне счастливым?

Да. У нас была прекрасная семья, прекрасный дом в Сиенне, где я и рос. Мой отец отсутствовал немалую часть времени, потому что сначала он был [на войне] в Абиссинии, а потом вступил в армию в начале ВМВ.

Он рассказывал вам о том, что делал в Абиссинии?

Мой отец мало что говорил о себе или в целом о политике. Он был большим традиционалистом. Он с почтением относился к Королю, он был предан ему. Также, когда говорят, что во времена фашизма было больше революционного, чем традиционного, может, оно и было так, но с моим опытом это не совпадает.

У меня было довольно традиционное воспитание: меня учили любить Родину, верить в Бога и в семейные ценности. Мой отец был католиком, хотя, в целом, моя семья не была слишком набожной. Когда я преподавал здесь, во Флоренции несколько лет тому назад, практически все мои коллеги были коммунистами, но я им не был. Вышло так, что я был там не только единственным некоммунистом, но единственным человеком, который ни разу не был на исповеди, потому что моя семья ни разу не отправила меня к священнику. Мы были католиками, но церковь была где-то там, а семья здесь, и мы особенно с церковью не смешивались. Только богослужения и всякие формальности.

По какой причине вы покинули Военно-Морскую Школу?

В Венеции она больше не функционировала: она переместилась в Падую.

Разница между севером и югом... Нам нужно понимание истории Италии в те годы с учетом того, что был север и был юг. Мне кажется, что после 8 сентября не стало независимой Италии. Одна ее часть зависела от союзников, другая – от немцев. Что касается наличия продовольствия и всего необходимого, трудно оценить общую картину. У меня впечатление, что проблемы и смута были везде, и люди голодали. Однако были разные пути защитить себя и найти выход из ситуации. С одной стороны, важным было то, насколько близко ты был к сельской жизни. В больших городах люди страдали гораздо сильнее, чем в малых. Такой городок как Сиенна был в намного лучшем положении, чем Флоренция. Продукты были доступны в деревнях. Я считаю, что правительство Республики сделало все возможное для того, чтобы прокормить население... Помню, что на севере одним из главных продуктов питания был рис, паста была редкостью, потому что не было [пшеничной] муки...

Ну а солдаты как питались?

Когда мы были в Милане, мы питались более-менее неплохо. Когда мы оказались в Пьемонте, мы получали наши пайки от немцев, и еда была ужасной. Мы получали эти хлебные буханки – они выглядели словно кирпичи и были рассчитаны на очень долгое хранение. На них даже дата была проштампovана. Потом мы получали что-то вроде нарезанной свинины, и в качестве витаминов они давали нам что-то вроде конфет, но практически ни разу нам не дали молока. В результате мы или пытались купить его в лавках, но его было очень мало, а в других случаях мы просто выпрашивали муку или что-то еще у живших в округе фермеров...

Был момент, когда вы прикинулись партизанами?

Да.

И сработало?

Я не уверен, что крестьяне или еще кто-то поверил в то, что мы были партизанами, но они, так или иначе, побаивались [нас], так что нам удалось что-то заполучить.

Условия, в которых вы жили, были, в общем, неплохими?

Думаю, да, если не считать опасности, но я это было частью игры.

Были ли у вас проблемы с обувью, одеждой?

В том плане не было. По-другому было с оружием, еще у нас бывали проблемы с бензином.

Вам приходилось покрывать большие расстояния. Даже под конец войны вы путешествовали из Болоньи в Милан – вы ведь не пешком ходили?

Частично пешком, между Болоньей и рекой По, но потом ехали на грузовиках. Уже не могу сказать, откуда брали бензин. Мы были часть регулярной армии, но временами приходилось добывать его неофициальным путем. Мы крали или забирали все, что попадало под руку.

В истории создания Черных Бригад/Brigate Nere Паволини есть немало противоречивого, даже в том смысле, зачем вообще они были созданы.

Я вам скажу, зачем. Они были созданы потому, что он [Паволини] считал антипартизанскую борьбу необходимостью. В общем, в этой идеи не было ничего хорошего, я думаю, это была ужасная идея, потому что множество людей подверглись преследованиям и мести.

Я не скажу, что в то время не совершались ужасные вещи. Я думаю, это была жестокая война, и творились страшные дела. Творили их люди с обеих воюющих сторон, а не только с одной. К сожалению, это то, что происходит на гражданской войне.

Были также проявления щедрости и великодушия. К примеру, обмен пленными, хорошее обращение с пленными...

Возможно, обмены имели место, но в других случаях [партизаны] могли всех пленных и перестрелять, да и мы могли сделать то же самое. Была трусость, была жестокость, были бездумные поступки – назовите это, как хотите. Вы берете в пленных, вам нужно знать, что с ними делать, ну а если не знаешь, так просто убиваешь их...

Это случилось с вашим отцом?

Да.

Почему вы так хотели вступить именно в Дециму? Может, потому, что вы хотели попасть на фронт?

Это была одна из небольшого числа частей, которые могли попасть на фронт, и этого мы, в основном, хотели.

Был момент, когда одна рота должна была объединиться с Ротой Бир эль Гобби, и обе роты должны были отправляться на фронт, а вышло так, что отправилась только Рота М...

Да, мы должны были направиться в район Пианолы/Pianola, но Готская Линия была прорвана. Он была прорвана на направлении к Модене/Modena, а не к Болонье, так что нам пришлось довольно быстро отступить, поскольку была опасность окружения.

То путь, который вы прошли пешком к реке По... Полагаю, вы все время были в дороге, не останавливаясь?

Ну, иногда мы останавливались, но нам приходилось непросто, потому что союзники наступали довольно быстро, и мы были под бомбежками и обстрелами.

Можно предположить, что к моменту вашей переправы через По большая часть немцев уже переправилась через реку?

Немцы в тот момент были уже в полном разброде – никакого порядка. Было совсем нетрудно заключить, что пришел конец, и, в реальности, я еще полон живых воспоминаний об этом отступлении. Немецкие солдаты, большей частью, сами по себе, никаких транспортных средств больше не было. Видеть любую армию в отступлении – не самое радостное зрелище...

То есть, вы помните это чувство отчаяния?

О да, отчаяние. Это был конец всех иллюзий. Тем не менее, есть что-то такое, на что я обижен, - на то, как меня недавно представляли. Ведь несколько лет спустя я полностью порвал с фашизмом, я никогда не поддавался на соблазны неофашизма или чего-то в этом роде. Я не скажу, что я сожалею о тех временах, не могу сказать, что прошу прощения. Я не сделал ничего такого, за что мне стыдно, у меня были серьезные причины сделать тот выбор, и я не вижу, почему я должен отрицать это или притворяться, что я каюсь. Нет, это не для меня. Я знаю абсолютно точно, что, в целом, я был на неправильной стороне – временами так случается, что ты оказываешься не на той стороне...

Я считаю, что все не так просто. Неизбежно, что есть правые и неправые. Верховное командование нацистов, очевидно, было неправо, у других все индивидуально. Попытайтесь просмотреть на вещи шире. Сегодня я идентифицирую себя как человека либеральной традиции, что, по большей части, лежит в русле всего британского, и у этого не ничего общего с той стороной, которую я принял тогда.

Как вы думаете, почему Муссолини чествовали и приветствовали целых три дня в декабре 44-го в Милане, а пять месяцев спустя его повесили вверх ногами?

Интересный вопрос: почему Муссолини был столь популярен? Несомненно и то, что у него был шарм, и он преуспел, очаровывая людей и даже одурачивая их. У него была харизма, он был личностью, поэтому столь многие пошли за ним.

Полагаю, что в 1920-е и 30-е он многое изменил в жизни людей, отчего они почувствовали, что при фашистах жить стало лучше?

Да, в его управлении [страной] было много позитивных моментов, а также видимость, те иллюзии, которые он внушил. Он был мастером продажи иллюзий...

Как вы думаете, что мотивировало Павolini?

По мне, так в нем была тайна... В идеологическом плане он был последовательней и тверже, чем сам Муссолини. Думаю, у него были представления о *новом порядке* и том, как должна быть реорганизована Европа. Я знаю об этом недостаточно много. Как соответствовали его идеи идеям нацизма? ... У меня сложилось впечатление, что он был гораздо ближе к Германии, чем сам Муссолини. Его отец был учителем, он преподавал санскрит. Мне любопытно, была ли какая-то связь между характером его семьи и идеями, которые он позднее проповедовал. Что касается лично меня, в общении со мной он был самым прекрасным человеком. Ну, это можно было сказать и о Гитлере, и о Гиммлере, если бы довелось пообщаться с ними лично...

А как сложилась жизнь у вашего брата?

Он вступал в *Дециму*, потом уходил из нее, в итоге, оказался в ее подразделении *NP*. Пережил войну. Он стал ярым коммунистом и страстным поклонником Фиделя Кастро. Он проработал в шоу-бизнес всю свою жизнь. Колоритная личность, теперь иногда пишет статьи в *il Manifesto* (ежедневная газета, позиционирующая себя как коммунистическая, но не связанная ни с одной из политических партий – ВК).

Довольно резкая перемена. Как вы думаете, это с ним случилось в результате войны?

Война – это опыт, от которого невозможно избавиться. У нее могут быть разные личные последствия и результаты, но она остается с тобой. Я решил, с неохотой, заняться историческими исследованиями, потому что хотел понять свой собственный опыт. После войны я три года пробыл в военном госпитале, что стало довольно интересным опытом, но другого плана. Там я получил свой первый преподавательский опыт, потому что были нужны учителя для организации учебных курсов для бывших солдат, и все мои ученики оказались людьми, пришедшими из немецких концлагерей...

Вспоминаете ли вы тот шок, который испытали, узнав об Окончательном Решении?

Определенно, это было. На самом деле, я даже написал в своей книге, что смотрел документальную хронику летом 45-го в Милане. Сразу после этого – через пару месяцев после окончания войны, должно быть, в июле-августе, военные власти в Милане создали что-то вроде сети кинотеатров, в которых показывали документальные фильмы о том, что

увидели союзные солдаты в концлагерях. Я смотрел эти фильмы, и я был страшно возмущен и шокирован.

Как вы относились к немецким военнослужащим, которые находились в Италии во время войны?

У меня не было особенных контактов с немецкими военнослужащими. Конечно, мы зависели от них в плане снабжения, и я полагаю, что в плане командования тоже.

Вы говорили, что обучались использованию немецкого пулемета MG42?

Да, там было двое немцев, которые пришли и научили нас пользоваться тем, что я называл базукой, а это был *панцерфауст*. Еще учили использовать MG42, но мы не были в постоянном контакте с немецкими солдатами. До этого я пересекался с ними, когда они прибыли в Сиенну, и они были настроены довольно дружелюбно по отношению к нам. Если ты был на их стороне, они были очень дружелюбны.

Легко вести себя хорошо, когда у тебя достаточно еды для самого себя, тебя хорошо снабжают и нет такого чувства, что местные жители готовы пальнуть в тебя, особо не целясь, - тогда легко быть дружелюбным. А когда ты долго отступал без провианта и безо всего... В германской армии существовал элемент безжалостности. Они относились к войне всерьез, и, в существенной мере, их война была войной без правил. Германская армия была отлично обучена. Если им что-то нужно было сделать, они делали это, особенно не беспокоясь о гражданском населении, которого от этого могло пострадать. То, как они вели себя в Польше, на Восточном фронте, всегда сильно отличалось от того, как они вели себя на Западном фронте.

На юге [Италии] степень разрушений была феноменальной – целые города стирали с лица земли...

Тем ужасным вещам, которые, вне всякого сомнения, вытворяли немцы, уделяется очень большое внимание, но, когда я сам вспоминаю эти самолеты, которые пикировали и стреляли по маленьким детям, идущим по дорогам сельской местности...

Вы это видели?

Да, и они это делали все время, постоянно...

Разрушения на юге были, в основном, результатом действий союзников. Это было в боях, и огневая мощь союзников была куда значительней...

Я думаю, что больше гражданских погибло в результате бомбардировок, чем в результате побоищ, устроенных немцами.

Марцаботто было крупнейшим побоищем, там погибли 987 человек.

Это шокирует куда сильнее – их решительность. Хватают людей, ставят их в шеренгу в 20 ярдах от себя и расстреливают. В то же время бомбардировки не носят личного характера. Вот в чем большая разница. Иногда люди не принимают во внимание то, что, если ты военнослужащий – скажем, командир части – ты прежде всего должен заботиться о своих солдатах. Помню, как я разговаривал с какими-то офицерами союзных войск вскоре после окончания войны. Они говорили, что были готовы экономить на своих солдатах, но не на боеприпасах. То есть, если нужно было 200 снарядов, чтобы раздолбать какую-нибудь деревню, давай-ка так и сделаем вместо того, чтобы посыпать солдат на штурм, в ходе которого их могут подстрелить.

Исходя из вашего опыта последнего года войны, когда вы много перемещались по северу страны, не выглядела ли Италия как страна, которая разваливается на части? Как выглядели большие города, которые бомбили систематически, - жутко было?

Они не выглядели так, как немецкие города [после бомбежек]. Даже в Милане, который, вероятно, особенно сильно пострадал от воздушных налетов, были видны улицы и дома, некоторые сильно разрушенные в некоторых частях города, но город стоял на месте, и жизнь в нем более-менее продолжалась. Бары и магазины, кинотеатры были открыты. Думаю, он выглядел как Лондон, которые бомбили несколько лет – жизнь в нем продолжалась.

Удивили вас отклики на ваши мемуары?

Да. Я не ожидал такой обширной реакции, думал, это будет одна из множества книг, которые публиковались и оставались незамеченными. Я работал над ней с удовольствием, но не собирался произвести впечатление, а тут такая реакция. Я не был особенно счастлив из-за этого, а был слегка смущен.

Я прекрасно понимаю, что написал о части нашего исторического опыта, но я писал о том, что относилось исключительно к Италии и итальянцам, и мне кажется, что война в Италии для многих людей не является чем-то таким, что случилось давным-давно, что все еще остается сумятица в головах и, возможно, горечь, что не является вполне подходящим словом... Здесь еще имеется немалая линия раскола.

Вы готовы к тому, что он сохранится?

У меня такое впечатление, что это произошло из-за недавних политических событий, и не является наследием войны. Сопротивление заявляет, что это оно освободило Италию, они, в той или иной степени открыто, призывают роль союзных войск. Если вы признаете то, что Италию освободили союзные армии, а не партизаны, то стесняться тут нечего, - так оно и было. Судьбу Италии решил исход войны в целом – это проще простого. Но они [Сопротивление] постоянно пытались отодвинуть в сторону вклад, который внесли союзники. В этом всегда был элемент не столько антианглийский, а, скорее, антиамериканский, и это до сих пор присутствует. В связи с тем. Что происходит сейчас, некоторые из этих застарелых чувств снова всплывают...

Я думал, что все это давно утряслось, но теперь в газетах полно всего этого.

Нынче газеты имеют тенденцию быть сенсационными, и я думаю, что это – не самый приятный тренд. Я получил большое количество писем после выхода книги. Книга пошла хорошо в плане продаж: всего продано около 20 000, что для Италии очень много.

https://de.zxc.wiki/wiki/Roberto_Vivarelli

https://en.wikipedia.org/wiki/Walter_Reider

Оригинальные интервью взяты с сайта Джеймса Холланда www.griffonmerlin.com (James Holland, ноябрь 2005)

Перевод, литературная обработка, комментарии – Владимир Крупник

Возрат к главной странице www.warsstory.org

